

Глава 13

Еще после полудня небо затянуло тучами.

К полуночи за окном бесшумно пошел дождь, постепенно набирая силу.

Глухая полночь, ненастье и этот чертов тактильный голод делали слова Лин Чжоу двусмысленными. Но стоило вспомнить, что перед ним — Воля Вселенной, чьи эмоции всегда равны нулю, как всякая двусмысленность рассеивалась, оставляя лишь досаду на собственное воображение.

— Ты все еще меня презираешь, — негромко, глуховато произнес Лин Чжоу, видя, что Хань Мин застыл у порога и не спешит отвечать. — На Ань Ина ты не злился. Но меня ты презираешь.

Хань Мин, уже протянувший руку к выключателю, замер.

Опустив ладонь, он остался стоять у двери, безмолвно разглядывая собеседника сквозь густые сумерки.

Раньше он и впрямь чувствовал к нему лишь неприязнь. И за дурацкий врожденный талант, и за этот взгляд стороннего наблюдателя — обманчиво мягкий, но на деле холодный, как космический вакуум.

Однако сегодня, глядя на то, как легко Ань Ин принимает свою суть, Хань Мин вынужден был признать: врожденный дар рождается из потаенных желаний самого человека. Воля Вселенной тут совершенно ни при чем.

О чем же он сам думал в то мгновение?

Хань Мин заставил себя вспомнить день своего рождения. В отличие от прошлой жизни, где он был круглым сиротой, в этой у него были отец и мать. Еще до появления на свет, пребывая в полузабытьи, он смутно различал их нежный, тихий шепот. Тогда он верил, что его ждет прекрасное будущее: любящая семья, тепло родительских рук и спокойная, мирная жизнь.

Именно поэтому его врожденным талантом стало «Ниже лишь одного». Он никогда не стремился к мировому господству. Быть вторым — не так заметно, куда безопаснее, чем блистать на вершине.

Но судьба распорядилась иначе.

За день до его рождения мать, истосковавшаяся по родине, уговорила отца вернуться в

Северный сектор. В ту же ночь там вспыхнул мятеж, и во время тяжелых родов она скончалась.

Ослепленный горем, влюбчивый отец возненавидел новорожденного сына. Бросив младенца на произвол судьбы, он забрал тело жены и улетел обратно в Южный сектор.

Так долгожданный праздник обернулся кошмаром. Если бы суровые законы Северного сектора не запрещали трогать младенцев, и если бы материнская любовь, изначально достигшая предела, не передала ему в момент смерти часть ее собственной силы, он бы не пережил ту ночь.

Пожалуй, он никогда не винил саму Волю Вселенной. Просто не знал, на кого излить ярость. Обычная человеческая слабость — глупая, слепая злость, точь-в-точь как у его никчемного папаши.

Когда-то Хань Мин не желал бороться за первенство, но, познав бессилие, когда без власти ты не можешь ступить и шагу, он поклялся больше никогда не оставаться в тени. Он превратился в птицу без ног — вечного странника, лишенного пристанища, не знающего сомнений.

Уголок его губ дрогнул в горькой усмешке. Впервые он ответил Лин Чжоу искренне:

— Я не испытываю к тебе неприязни.

Разве дело было в Воле Вселенной? Он ненавидел саму судьбу, презирал дарованные таланты и больше всего на свете — самого себя.

Он терпел выходки Ань Ина лишь потому, что видел в нем собственное отражение. Если оба они выживают лишь за счет других, то кто из них чище?

За окном шумел ливень.

Хань Мин так и не зажег свет. Пройдя вглубь темной комнаты, он опустился на диван и сквозь рокошующие потоки воды, бьющие в стекла, позвал:

— Подойди.

Лин Чжоу послушно приблизился. Но на диван садиться не стал — опустился прямо на ковер у его ног.

Прижавшись спиной к коленям Хань Мина, он поднял левую руку и медленно, палец за пальцем, переплел их с его пальцами. Затем повернул голову и негромко заметил:

— Волосы опять отросли.

Видя, с какой естественностью Воля Вселенной устраивается у его ног, Хань Мин, и без того пребывавший в скверном расположении духа, едва не рассмеялся от злости.

Да уж, с тех пор как это божество явилось к нему под предлогом потери памяти, Хань Мин превратился для него во все сразу: от личного портного до парикмахера, укорачивающего ему волосы обычным боевым кинжалом.

Изначально эта затея с волосами была лишь предлогом. Хань Мин хотел проверить, зачем Лин Чжоу явился и как далеко простирается его терпение. Ведь когда острая сталь скользит у самого горла, твоя жизнь висит на волоске, и совладать с инстинктом самосохранения под силу далеко не каждому.

Но Лин Чжоу словно не замечал угрозы. Он ни разу не воспротивился, более того — это вошло у него в привычку.

Хань Мин плавно высвободил лезвие из ножен и прижал холодное острие к затылку Лин Чжоу. Но даже сейчас тот лишь поднял на него свои золотые глаза, глядя на удивление спокойно и умиротворенно.

Его жизнь была в чужих руках, но на самом дне этих золотых глаз по-прежнему сквозило неистребимое, поистине божественное высокомерие.

Хань Мин тихо усмехнулся, ловко провернул кинжал в пальцах и срезал прядь с его затылка.

В самом деле, зачем он пытается спорить с существом, у которого нет ничего человеческого? Проще закончить быстрее и разойтись.

Но когда Хань Мин, хмурясь, принялся ровнять пряди у лба Лин Чжоу, его взгляд за что-то зацепился. Против воли он негромко позвал:

— Лин Чжоу.

— Да, — отозвался тот.

— Это из-за темноты или мне кажется? — Хань Мин помедлил, всматриваясь. — Твои волосы... они стали светлее?

В прошлом Хань Мину доводилось работать помощником у самых разных творцов, так что в тончайших нюансах цвета он разбирался безупречно.

Если раньше шевелюра Лин Чжоу отливала той бездонной чернотой, что свойственна лишь открытому космосу, то теперь его волосы приобрели едва заметный пепельный отлив. В полумраке заметить эту перемену было почти невозможно.

— Да, — по-прежнему невозмутимо согласился Лин Чжоу.

Хань Мину захотелось сделать глубокий вдох, чтобы унять раздражение. И после этого кто-то смеет упрекать его в излишней вспыльчивости? Этот парень порой доводил до белого каления одним своим видом.

«Он издевается? Или действительно не понимает человеческую речь?»

«Я ведь спросил не для того, чтобы услышать простое "да"! Какого черта его волосы седеют?»

Поняв, что нормального ответа не дождется, Хань Мин зло усмехнулся:

— Лин Чжоу, ты несносный, высокомерный ублюдок.

Тот лишь молча посмотрел на него снизу вверх и в третий раз тихо уронил:

— Да.

— Тебя только на это «да» и хватает? — раздражение Хань Мина росло с каждым словом. Быстрыми, точными движениями он укоротил последние пряди и сухо бросил: — Ладно, закончили. Тебе пора.

Если этот несносный тип задержится еще хоть на минуту, бессонница от злости ему гарантирована.

Но Лин Чжоу, который до этого во всем безропотно соглашался, внезапно оглох. Словно в его голове только что обновился языковой модуль, он медленно произнес:

— Хань Мин, время еще не вышло.

В этот момент Хань Мин в тысячный раз проклял тот день, когда решил прикрыться выдуманным тактильным голодом.

«Неужели у кого-то из нас двоих и впрямь тактильный голод?»

Срезать волосы одной рукой, пока вторая занята, было неудобно. Но будучи перфекционистом до мозга костей, Хань Мин не мог оставить работу незавершенной. Раз уж Лин Чжоу упрямо

сидел на месте, он сделал еще несколько быстрых взмахов лезвием, пока прическа не стала выглядеть идеально.

Едва клинок скользнул обратно в ножны, Лин Чжоу негромко спросил:

— Когда ты собираешься покинуть Восточный сектор?

— Хм? — Хань Мин опустил взгляд, ловя отражение золотых глаз. — Похоже, тебе не терпится отсюда убраться.

Он действительно планировал отъезд и даже наметил дату, но делиться своими планами ни с кем не собирался. Даже с тем, кто человеком не являлся.

— Потому что моя звезда грустит.

Перед мысленным взором Лин Чжоу возникла сцена из заднего сада, когда Хань Мин обменялся долгим, тяжелым взглядом с Дун Яо. Он поднял глаза на юношу и негромко, своим привычным хрипловатым голосом повторил:

— Моя звезда совсем несчастна здесь. Я хочу, чтобы она сияла на небесах, свободная от любых оков. Если счастлив он — счастлив и я.

«Не оставайся здесь ради Дун Яо. Не нужно быть там, где тебе плохо».

В полумраке комнаты воцарилось молчание. Теперь уже Хань Мин смотрел на него сложным, нечитаемым взглядом.

Его взгляд скользнул по едва заметным венам на бледной шее Лин Чжоу, поднялся к хищным, нечеловечески холодным золотым глазам. От этого существа веяло ветром, туманом, вечными льдами и остывающим пеплом — чем угодно, но только не живым человеческим теплом.

Хань Мин отвел взор и негромко обронил:

— Звучит красиво.

Жаль только, что за красивыми словами не стояло ровным счетом ничего.

В конце концов, этот безумец сам не понимал, о чем говорит.

Не желая развивать эту тему, Хань Мин дождался последней секунды условных пяти минут и решительно высвободил свою руку из крепкого захвата Лин Чжоу.

— Время вышло. Свободен.

Когда Лин Чжоу поднялся и распахнул дверь, яркий свет из коридора хлынул в комнату, осветив его свежестриженную голову.

Теперь Хань Мин отчетливо увидел: волосы действительно потеряли прежний цвет. Более того, они стали еще светлее, чем несколько минут назад. Если прежде пепельный отлив едва угадывался в темноте, то теперь пряди приобрели ровный, глубокий серый оттенок.

Нахмурившись, Хань Мин снова предостерег его, хоть и не понимал сути происходящего:

— Твои волосы снова теряют цвет.

Лин Чжоу не обернулся. Лишь тихо, едва слышно отозвался на ходу:

— Знаю.

Если уж Хань Мин заметил это невооруженным глазом, то сам Лин Чжоу, будучи Волей Вселенной, ощутил перемены гораздо раньше.

Почему это происходило?

Лин Чжоу шел по коридору к своей спальне, глядя сквозь панорамные окна на бушующую снаружи грозу.

«Раньше я хотел, чтобы моя звезда вечно сияла в вышине. Но теперь... теперь я хочу, чтобы она упала. Упала прямо в мои объятия».

Подобные мысли были чужды Воле Вселенной. Это было падением. Предательством собственной сути.

И этот блекнувший пепельный оттенок волос был неопровержимым доказательством его угасающего величия.

<http://bllate.org/book/18306/1755322>